

Исполнительство

Звуковое наследие А. В. Неждановой

С глубоким волнением вслушиваешься в звуки неповторимо чудесного голоса, принадлежавшего великой русской артистке Антонине Васильевне Неждановой. Многим из нас, ее современников и страстных поклонников ее необыкновенного таланта, хорошо памяты созданные ею многочисленные прекрасные художественно-сценические образы, ее живое, трепетное творчество. А сейчас три десятка записей на грамофонные пластинки и примерно столько же записей на звуковую радиопленку — вот все, что запечатлело незабываемое искусство этой замечательной певицы. Как же бесконечно дорого, как неоценимо значительно это звуковое наследие, этот поистине исторический художественный памятник великому отечественному таланту!

Что такое творческий портрет музыканта-исполнителя, ушедшего в прошлое? До недавнего времени это было лишь абстрактное литературное обобщение на основе воспоминаний современников, критических отзывов в печати, иногда личных высказываний покойного артиста. Такое обобщение всегда и неизбежно бывало неполным и субъективным. Оно не в состоянии достаточно полно воспроизвести перед будущими поколениями существо и характер творчества умершего артиста. Из литературных материалов и исследований, из мемуаров и писем мы в лучшем случае можем лишь составить представление об уровне, масштабе данного дарования, но не можем получить живого впечатления от его искусства. Так, мы, например, знаем, как велик и значим для своего времени и для истории русской музыки такой певец, как Осип Афанасьевич Петров, но мы не можем хотя бы с относительной точностью представить себе характерный тембр его голоса, пленявший его современников, или манеру звуковедения, или характер творческого перевоплощения при исполнении той или иной сценической роли. Если писатель, живописец, композитор оставляют после себя объективные ценности — книги, картины, партитуры, то после смерти музыканта-исполнителя до недавнего времени оставались только — воспоминания.

С возникновением звукозаписи положение изменилось: появилась возможность обессмертить творчество музыканта-исполнителя в его непосредственном звучании. К сожалению, в нашей стране в ее дооктябрьский период художественная звукозапись была преимущественно коммерческой и весьма несовершенной. За последние десятилетия положение в корне изменилось. Но и сейчас — нужно со всей остротой поставить этот вопрос — огромное историческое значение звукозаписи еще

далеко не полностью осознано ее руководителями. И это мы часто весьма болезненно ощущаем после очередной горестной утраты. Вспомним хотя бы, как недостаточно и односторонне представлены в нашей звукозаписи такие гиганты русского музыкального исполнительства, как покойные К. Игумнов, М. Полякин. Слишком часто практицизм, граничащий с делячеством, какие-нибудь мелкие, однодневные потребности торговой сети или одного из разделов радиовещания отодвигают на задний план великие художественно-исторические задачи звукозаписи. И тогда записываются горы сомнительных и малоценных материалов и остаются в тени величайшие исполнительские ценности, которые завтра, возможно, уже не удастся воспроизвести.

Все эти соображения возникают и в связи с обзором звукового наследия покойной Антонины Васильевны Неждановой. Как ни велика ценность этого наследия, но мы не можем не ощущать всей его неполноты. Мы должны, в частности, сразу же отметить, что в основном жанре своего искусства — в оперном — А. В. Нежданова в звукозаписи почти не представлена и, таким образом, для будущих поколений, для истории искусства не запечатлена.

Общезвестно, что А. В. Нежданова была одной из самых блестящих исполнительниц русского классического оперного репертуара. Ее наиболее яркие оперные партии — Антонина, Людмила, Татьяна, Снегурочка, Волхова, Марфа, Шемаханская царица, Царевна-Лебедь — были величайшими шедеврами русского вокального и сценического искусства.

Из всех названных партий А. В. Неждановой в звукозаписи имеется только одна ария (вернее, отрывок из арии) — Марфы из IV акта «Царской невесты». При этом запись на пластинку, сделанная в дореволюционные годы и недавно реставрированная, чрезвычайно дефектна с точки зрения качества звучания, пресит тембровыми искажениями и посторонними шумами. Все же при внимательном прослушивании можно уловить тот чрезвычайно тонкий оттенок, который характерен для А. В. Неждановой в этой партии: образ умирающей, болезненно галлюцинирующей Марфы артистка рисует в обаянии необыкновенной душевной чистоты, не увядающей даже под влиянием глубокой и страшной трагедии.

И как ни плохо звучит эта старинная матрица-пластинка, но она все же передает и тот глубоко волнующий, неповторимый тембр голоса А. В. Неждановой, в котором наиболее ярко ска-

зались ее выдающееся природно-вокальное дарование и удивительное мастерство.

Есть, правда, еще одна запись А. В. Неждановой в русском оперном репертуаре — ария Дамаанти из оперы Аренского «Наль и Дамаанти». Это чудесная народного склада колыбельная песня, исполненная с глубокой экспрессией и прищущим артистике благородством вокального рисунка. Но само произведение это по характеру своему более приближается к камерному, да и фактически оно входило в концертный, а не в оперно-сценический репертуар А. В. Неждановой.

Этими двумя названиями и ограничивается звуковое наследие великой русской певицы в разделе русской оперы.

Несколько шире представлен в звукозаписи западноевропейский оперный репертуар А. В. Неждановой. Эту диспропорцию можно объяснить лишь личными вкусами владельцев дореволюционных русских граммофонно-пластиночных предприятий (или их ориентацией на западноевропейского буржуазного покупателя). Достаточно вспомнить сценическую биографию покойной артистки или хотя бы просмотреть список ее оперных партий, чтобы убедиться, что оснований для таких соотношений в ее оперном звуковом наследии не существует.

Ария Царицы Ночи («Волшебная флейта»), арии Розины («Севильский цирюльник»), «Легенда» («Лакмэ»), арии Лючин («Лючия») и Лейлы («Искатели жемчуга») могли бы представить громадный интерес для самой широкой массы советских слушателей. К сожалению, качество звучания этих записей, восстановленных по старым матрицам, также оставляет желать много лучшего. Тем не менее, этот раздел звуковых записей А. В. Неждановой обладает огромной художественно-исторической ценностью. Исключительная красота фразировки, легкость, блеск, интонационная чистота, ясность пассажей, фиоритур, отделанность каждой нотки и законченный план художественного целого — все это характеризует певицу как выдающуюся представительницу русского колоратурного певческого искусства. Но у А. В. Неждановой оно отнюдь не ограничивается блестящей, виртуозной вокальной техникой. Вслушайтесь в «Легенду» Лакмэ или в арию Розины — и перед вами сразу возникает законченный разносторонний художественный образ, печальный и смятенный в одном случае, своеобразно-кокетливый, капризный в другом. Техника, виртуозное владение колоратурой служат лишь средством, но не целью.

Если в иные периоды жизни А. В. Неждановой возникали нелепые и беспредметные споры о том, является ли эта певица только лирическим или вместе с тем и колоратурным сопрано (в своей монографии об А. В. Неждановой М. Львов убедительно опроверг высказывания критиков, отрицавших или преуменьшавших ее колоратурное дарование), то названные оперные записи дают документальные доказательства ее непревзойденного колоратурного таланта и мастерства.

Почему же так коллественно невелико звуковое наследие А. В. Неждановой как оперной певицы, особенно в разделе русской классики?

Могут сказать, что советская звукозапись датируется с 1929 года, когда сценическая деятельность А. В. Неждановой уже подходила к завершению. Но ведь основная масса записей ее на пластинку и тонфильм производилась в 30-е го-

ды, и эти записи убедительно показывают, что певица была вполне «в форме» и могла увековечить лучшие страницы из своего оперного репертуара, в первую очередь русского. Здесь, несомненно, была допущена огромная ошибка, и необходимо, чтобы она в дальнейшем не повторилась в отношении наших выдающихся артистов-современников.

Кстати, в начале 30-х годов были записаны и два оперных дуэта с участием А. В. Неждановой, имеющие особое историко-художественное значение: дело в том, что партнером певицы здесь записан величайший русский певец Л. В. Собинов. Это дуэты из «Лоэнгрина» и «Искателей жемчуга».

Нет нужды повторять, что ценность этих записей огромна (хотя качество звучания их несовершенно, особенно в воспроизведении голоса Л. В. Собинова). Примечательен дуэт из вагнеровского «Лоэнгрина». Великие русские артисты сделали живыми, человечными, земными отвлеченно-«граальские» образы Вагнера, спустили их с божественно-мифологических высот, насытили их теплом глубокой, искренней, волнующей любви. Такая смелая трактовка «Лоэнгрина», идущая в разрез с зарубежными традициями, представляет собой значительное достижение русского искусства.

Значительно шире, многограннее записана А. В. Нежданова в камерном репертуаре. В повседневном художественном обиходе имеется до сорока записей (на пластинку и тонфильм), довольно полно характеризующих А. В. Нежданову как исполнительницу романской музыки. Большая часть названий камерного репертуара певицы в записях принадлежит творчеству русских композиторов (классиков и современников). Подавляющее большинство записей было произведено, как мы уже отмечали, в 30-х годах, в условиях относительно высокой звукозаписывающей техники, и отличается, таким образом, удовлетворительным качеством звучания. Можно сказать, что для советского слушателя эти сорок записей, т. е. камерно-вокальные записи А. В. Неждановой, составляют основную и наиболее ценную часть ее звукового наследия.

Среди этих записей имеются подлинные сокровища художественного исполнения: они всегда будут волновать и пленять слушателей. Такова, например, запись романа «Ночь» Рубинштейна, произведенная в начале 30-х годов. С исключительной ясностью перебеланы в этой записи все обаяние чудесного тембра А. В. Неждановой, легкость, непринужденность звуковедения, особо тонкий артистизм фразировки, своеобразная, но предельно четкая дикция. Нежданова — великий мастер певческого искусства, как живая, представляется слушателю этой пластинки. Но особая ее ценность заключается и в другом: здесь певица исключительно ярко, с неотразимой силой продемонстрировала всю глубину большого художника-интерпретатора, способного не только полностью донести до слушателя гениальные пушкинские строки в талантливым музыкальным перевоплощении А. Рубинштейна, но и еще более углубить, поэтизировать это превосходное музыкальное произведение. В исполнении этого романа А. В. Нежданова глубоко оригинальна. Она решительно отказывается от тех неумеренно «томных», подчеркнута романтических интонаций, которыми часто ради дешевого эффекта пользуются исполнители, поющие этот романс. В устах Не-

ждановой он приобретает черты высокой этической чистоты, почти классической строгости и вместе с тем силу живой человеческой страсти. Насколько же, в самом деле, такая трактовка романса А. Рубинштейна глубже, убедительнее, прекраснее.

В целой серии романсов А. В. Нежданова дает образцы того искусства, которое иногда не совсем точно называют «инструментальным» пением. Действительно, у многих выдающихся вокальных мастеров предельная ровность звуковедения, точная, математическая рассчитанность динамических нюансов и полное отсутствие малейшего напряжения при звукозвлечении заставляют слушателей забывать, что источник музыки — живой человеческий организм; кажется, что это отлично налаженный, великолепно настроенный механизм, музыкальный инструмент воспроизводит данную мелодию. Конечно, такое совершенное владение голосом доставляет большое эстетическое наслаждение. Но когда знаменитые мастера начинают злоупотреблять этой стороной своего мастерства и забывать о художественном образе романса, о его содержании, их искусство превращается в холодное ремесленничество.

Можно привести целую серию записанных на пластинку или радиопленку романсов в исполнении Неждановой, в которых ее мастерство звуковедения достигает уровня этой так называемой «инструментальности». Таковы, например, романсы Рахманинова — «Сирень», Римского-Корсакова — «Песнь Зюлейки» и «Не ветер, вея с высоты», Аренского — «Все тихо вокруг», «Давно ль под волшебные звуки», Даргомыжского — «Юноша и дева», Глазунова — «Романс Нины», Чемберджи — «Улыбка». Такова целая серия романсов Грига («Песнь Сольвейг», «Колыбельная», «Лебедь», «Тайная любовь» и др.), а также отдельные романсы Гурилева, Алябьева, Шоссона, Дебюсси и др. Но ни в одной из названных (или других) записей нет ни одного такта, где самый процесс «инструментального» звуковедения настолько увлек бы певицу, чтобы она отвыкла от образа, содержания каждого данного романса. И при всем техническом совершенстве исполнения слушателя во всех названных записях увлекает прежде всего их глубокая поэтичность, одухотворенность, неотразимая внутренняя проникновенность.

Каждая запись А. В. Неждановой из ее камерной серии представляет огромный художественно-исторический интерес (кроме названных, в записи имеются также романсы Глинки, Кьерульфа, Равеля, Регера, Векерлена, Делиба, Штрауса, советских композиторов Кабалевского, Потоцкого, Голованова, Кочетова). И тем не менее можно выделить группу романсов, записи которых в исполнении Неждановой уже на протяжении многих лет пользуются особой любовью и симпатией слушателя, действительно выделяясь даже из звукового наследия А. В. Неждановой своим исключительно высоким уровнем исполнения. Мы уже назвали некоторые из них — «Ночь» Рубинштейна, «Романс Нины» Глазунова, «Сирень» Рахманинова, «Песнь Сольвейг» и «Колыбельную» Грига. К ним же надо присовокупить и такие шедевры, как

«Не пой, красавица, при мне» Рахманинова, «Не искушай меня без нужды» Глинки, «Соловей» Алябьева, «Пастушка» Векерлена.

Небольшая, но исключительно ценная серия записей А. В. Неждановой представляет ее репертуар русской народной песни. Подобно Ф. И. Шаляпину, подобно всем корифеям русского вокального искусства А. В. Нежданова умела находить в народной песне наиболее совершенные, наиболее глубокие по своей выразительности художественные образы и исполнительски воплощать их с предельной простотой и недосыгаемым мастерством. И в золотой фонд нашей художественной и историко-документальной звукозаписи войдут исполненные чудесной поэзией, проникнутые неувыдающим тонким ароматом такие записи А. В. Неждановой, как «Вечерком за речкой», «Не велят Маше», «Потеряла я колечко», «Как за горенкой», «Что на озере вода», «Ноченька».

Сохранились записи А. В. Неждановой и в репертуаре песен других народов: чешская песня «Приди ко мне, мой милый», французская песня «Сердце», тирольская песня «Мюзетта», испанские песни «При луне» и «Гвоздика».

Сравнительно небольшое и далеко не полное с точки зрения всесторонней творческой характеристики звуковое наследие А. В. Неждановой имеет, тем не менее, неосценимое историческое значение. К сожалению, искусство А. В. Неждановой как русской оперной певицы в своей значительнейшей части утрачено для будущих поколений. Но А. В. Нежданова как камерная певица, как исполнительница народной музыки живет в сохранившихся записях большой художественной жизнью и всегда будет трогать и волновать сердца слушателей. Живет, звучит по радио и на пластинках изумительный по красоте и обаянию голос А. В. Неждановой, живут ее мастерство, ее пленительное и художественное чувство правды.

«Вместе с Л. В. Собиновым и Ф. И. Шаляпиным А. В. Нежданова утвердила на русской оперной сцене реализм, вносила в образы, создаваемые ею, подлинную народность. В ее пении всегда звучала правда чувств и искренность, свойственная всем великим русским артистам» — так писала в некрологе об А. В. Неждановой группа выдающихся советских художественных деятелей. Эту «правду чувств и искренность, свойственную всем великим русским артистам» мы ощущаем в каждой из сохранившихся записей А. В. Неждановой. Ее звуковое наследие несомненно будет предметом глубоких исследований не одного поколения советских вокалистов и музыковедов. Вместе с тем оно навсегда останется источником огромных эстетических наслаждений для миллионов слушателей. Надо глубоко и любовно пропагандировать это прекрасное творческое наследие, сделать его в полном смысле слова достоянием всего нашего советского народа.

Мы надеемся также, что дальнейшие пытливые поиски в архивах звукозаписи, в общественных и частных фонотеках, кропотливая, любовная творческая работа тонмейстеров-реставраторов еще несколько расширят, обогатят это неосценимое звуковое наследие великой певицы.

С. Корев